

ТРОИЦКОЕ 5 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ КАМНЯ–БРОНЗЫ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

© 2022

Сташенков Д.А.¹, Кочкина А.Ф.¹, Кузнецова Л.В.¹, Салугина Н.П.², Ластовский А.А.³

¹Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Российская Федерация)

²Самарский государственный институт культуры (г. Самара, Российская Федерация)

³Самарское археологическое общество (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В ходе разведочного обследования левого берега реки Чапаевки на территории Безенчукского района Самарской области в 2020–2021 гг. выявлен археологический памятник – многослойное поселение каменного и бронзового веков Троицкое 5. Памятник расположен недалеко от ранее изученных стоянок Троицкое 1 и Троицкое 2. На территории поселения заложены стратиграфические шурфы, определены границы памятника, собран подъемный материал. Основной культурный слой стоянки Троицкое 5 относится к эпохе камня. На территории стоянки позднее возникло селище срубной культуры эпохи бронзы. В статье приводятся результаты анализа полученной коллекции кремневого инвентаря и керамического материала. Делается вывод, что обследованное поселение содержит культурные напластования двух эпох: каменного и бронзового веков. Отсутствие характерных орудий труда, четких стратиграфических привязок и костных остатков затрудняют определение времени обитания раннего поселения. Предварительно можно предположить его существование в широких рамках финального палеолита–неолита. Возможно, бытование, по крайней мере, части комплекса каменных артефактов поселения Троицкое 5 связано с эпохой мезолита. В целом комплекс материала стоянки Троицкое 5 соответствует материалам, полученным ранее при обследовании стоянок Троицкое 1 и Троицкое 2. Находки бронзового века представлены фрагментами керамики, характерной для срубной культуры середины II тыс. до н.э. Техничко-технологический анализ керамики проводился в рамках историко-культурного подхода, основные положения которого были разработаны и введены в научный оборот А.А. Бобринским.

Ключевые слова: археологические исследования; стоянка; селище; каменный век; бронзовый век; стратиграфия; хронология; кремневый инвентарь; керамика; технологический анализ; Среднее Поволжье; Самарская область.

TROITSKOYE 5 – A NEW ARCHAEOLOGICAL SITE OF THE STONE–BRONZE AGE IN THE SAMARA VOLGA REGION

© 2022

Stashenkov D.A.¹, Kochkina A.F.¹, Kuznetsova L.V.¹, Salugina N.P.², Lastovsky A.A.³

¹Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin (Samara, Russian Federation)

²Samara State Institute of Culture (Samara, Russian Federation)

³Samara Archaeological Society (Samara, Russian Federation)

Abstract. In the course of an exploratory survey of the left bank of the Chapaevka River on the territory of the Bezenchuksky District in the Samara Region in 2020–2021, a multilayer archaeological site of the Stone and Bronze Ages Troitskoye 5 was discovered. The archaeological site is located not far from the previously studied sites of Troitskoye 1 and Troitskoye 2. On the territory of the archaeological site, stratigraphic pits were laid, the boundaries were determined, and lifting material was collected. The main cultural layer of the Troitskoye 5 site belongs to the Stone Age. On the territory of the stone age site a settlement of the Srubnaya culture of the Bronze Age arose later. The paper deals with the analysis of the resulting collection of flint tools and ceramic material. It is concluded that the surveyed settlement contains cultural layers of two eras: the Stone and Bronze Ages. The absence of typical labor tools, clear stratigraphic references, and bone remains make it difficult to determine the time of the early settlement. Preliminarily, its existence can be assumed within the broad framework of the final Paleolithic–Neolithic. It is possible that the existence of at least part of the complex of stone artifacts from the settlement of Troitskoye 5 is associated with the Mesolithic era. In general, the complex of material from the Troitskoye 5 site corresponds to the materials obtained earlier during the survey of the Troitskoye 1 and Troitskoye 2 sites. The finds of the Bronze Age are represented by fragments of pottery typical of the Srubna culture of the middle of the 2nd millennium BC. The technical and technological analysis of ceramics was carried out within the framework of the historical and cultural approach, the main provisions of which were developed and introduced into scientific circulation by A.A. Bobrinsky.

Keywords: archaeological research; stone age site; settlement; Stone age; Bronze age; stratigraphy; chronology; flint inventory; ceramics; technological analysis; Middle Volga; Samara Region.

В 2020–2021 гг. совместной экспедицией Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина и ООО «Институт археологии Поволжья» были проведены археологические разведки на территории Безенчукского района Самарской области. Целью работ было выявление новых археологических памятников первобытной эпохи. В бассей-

не реки Чапаевки, левого притока реки Волга, обнаружен новый археологический памятник – многослойное поселение каменного и бронзового веков Троицкое 5. На территории памятника собран подъемный материал, заложены стратиграфические шурфы, определены границы памятника. По итогам работ были подготовлены документы для включения

стоянки Троицкое 5 в список выявленных объектов историко-культурного наследия.

Безенчукский район принадлежит к числу хорошо изученных в археологическом отношении регионов. К настоящему моменту на территории района выявлено более 150 археологических памятников, большая часть которых представлена курганными могильниками (более 120), меньшая часть – поселениями и местонахождениями керамики и кремня.

Очень плотно расположены археологические памятники на участке вдоль левого берега р. Чапаевка между п. Прибой и с. Троицкое. К настоящему времени в окрестностях с. Троицкое известно восемь археологических объектов, которые включены в список выявленных объектов историко-культурного наследия Самарской области: одиночный курган Троицкое I; курганный могильник Троицкое II, курганный могильник Прибой I, курганный могильник Прибой II, стоянки Троицкое 1, Троицкое 2, селища Троицкое 3, Троицкое 4.

Начало археологического изучения этого участка относится к 1991 г., когда разведочным отрядом Самарского государственного педагогического университета в составе А.А. Ластовского, М.А. Турецкого, А.М. Комарова в ходе обследования предполагаемой трассы газопровода между п. Прибой и с. Троицкое была открыта стоянка каменного века и поселение срубной культуры Троицкое 1. Шурф, заложенный на памятнике, выявил два культурных горизонта. Нижний содержал кремневые изделия: отщепы, осколки кремня, пластины, находящиеся на глубине 80–100 см от современной поверхности. Выше встречались фрагменты лепной керамики, относящиеся к срубной культуре эпохи бронзы.

В 1994 г. на памятнике проводились стационарные исследования под руководством О.В. Кузьминой [1]. Раскопки были проведены на двух раскопах – раскопе 1 площадью 89 м² и раскопе 2 площадью 91 м². Сооружений в раскопах не обнаружено, находки были представлены фрагментами керамики срубной культуры и кремневыми изделиями (статистические данные имеются для раскопа 1, из которого происходит 685 находок). Результаты работ на стоянке Троицкое 1 опубликованы А.А. Ластовским, который датировал основной слой памятника эпохой неолита, отметив архаичность кремневого комплекса [2, с. 31]. К эпохе неолита относил материалы стоянки Троицкое и А.Е. Мамонов [3, с. 147], к раннему неолиту – И.В. Горашук [4] и К.М. Андреев [5].

В 2008 г. И.В. Горашук при проведении разведок на территории района выявил три новых местонахождения эпохи камня – нового времени: Троицкое 2, Троицкое 3, Троицкое 4 [6].

В 2014 г. Д.А. Сташенковым при проведении разведочного обследования в зоне реконструкции автодороги была осмотрена стоянка каменного века Троицкое 2, определены ее границы, составлена документация для включения памятника в список выявленных объектов историко-культурного наследия.

В 2015 г. при проведении разведочного обследования экспедицией ГБУК СОИКМ им. П.В. Алабина под руководством Д.А. Сташенкова была осмотрена стоянка каменного века Троицкое I, уточнены ее границы, составлена документация для включения памятника в список выявленных объектов историко-культурного наследия [7].

В 2015 г. при проведении археологических разведок на территории Безенчукского района К.М. Андреев обследовал и подготовил документацию для включения в список выявленных объектов историко-культурного наследия селищ Троицкое 3 и Троицкое 4 [8].

Обнаруженная в ходе разведочных работ 2020–2021 гг. стоянка Троицкое 5 находится в 2,1 км к 3 от с. Троицкое, в 1,9 км к ВЮВ от пос. Рузановский и в 2,2 км к ВЮВ от пос. Прибой Безенчукского района Самарской области на первой надпойменной террасе левого берега р. Чапаевки (рис. 1).

Памятник располагается в 0,5 км к ВЮВ от стоянки Троицкое 1 и в 1 км к ЗСЗ от стоянки Троицкое 2 на мысу на изгибе реки Чапаевка, делающей в этом месте крутой поворот. Мыс ограничен с двух сторон береговым обрывом. Русло реки Чапаевки в месте расположения памятника имеет ширину 40–60 м.

Долина реки Чапаевки на данном отрезке течения узкая, каньонообразная. Вдоль левого берега поймы не сформирована, и памятник находится на относительно ровной площадке на уровне первой террасы, полого повышающейся к югу, узкая полоса северо-восточной оконечности мыса представляет собой остатки надпойменной террасы.

В настоящее время территория памятника задернована, на поверхности фиксируются западины от ям и траншей, установлены знаки наличия подземных коммуникаций. Через памятник проходит действующий газопровод, проложенный в середине XX века. Строительные отвалы оплыли, задернованы и заметны в виде небольших возвышенностей.

Стоянка Троицкое 5 занимает площадь около 4,2 га. Протяженность памятника с учетом охранной зоны по линии СЗ–ЮВ (вдоль реки Чапаевка) – 400 м, по линии СВ–ЮЗ – 100–125 м.

В непосредственной близости от памятника на северной оконечности мыса зафиксированы шесть траншей для выжигания древесного угля, которые использовались до последнего времени. Траншеи, заросшие сорной растительностью, имеют прямоугольную форму, длину до 10 м, ширину до 4 м и глубину до 1,5 м.

Для уточнения границ памятника и определения мощности культурного слоя было заложено четыре стратиграфических шурфа размерами 2 × 1 м. В шурфах была зафиксирована следующая стратиграфия, повторяющаяся на разных участках памятника:

- 1) дерновый слой – 3–5 см;
- 2) темно-серый плотный гумусированный суглинок – 35–60 см;
- 3) коричневый гумусированный суглинок – 20–30 см;
- 4) материк: желто-коричневый суглинок, пронизанный ходами нор землероев.

Шурф 1 был заложен в 25 м к югу от зоны распространения подъемного материала и находок не содержал. Археологические находки в шурфах № 2, 4 зафиксированы в основном во втором слое и представлены единичными фрагментами костей животных и стенок лепных сосудов, кремневыми предметами.

Наиболее насыщенным находками оказался шурф 3, заложенный у края террасы в восточной части поселения. Из шурфа 3 происходит основная часть полученных при исследовании памятника фрагментов леп-

ных сосудов. Судя по мощности культурного слоя и характеру распределения находок, шурф затронул внутреннюю часть постройки бронзового века.

Всего в коллекции представлено 290 предметов – из них 264 кремневых предмета, среди которых отщепы, отщепы со следами утилизации, пластины, немногочисленные орудия и нуклеусы и 26 фрагментов лепных сосудов, в том числе орнаментированных.

Кремневые изделия происходят как из шурфов, так и из подъемного материала. Сырьем для них служил местный кремнь светло-серого или светло-бежевого цвета, который представлен на памятниках эпохи камня в бассейнах рек Волга, Самара, Чапаевка. Встречается такой кремнь в обнажениях известняков, слагающих коренные террасы рек в виде целых галек или их обломков, фиксируется он и в аллювиальных отложениях на р. Чапаевке [2, с. 29].

В коллекции представлены следующие категории предметов: нуклеусы (8 экз.) (рис. 2) и нуклевидные куски и осколки (12 экз.) (рис. 3).

К числу наиболее выразительных относится нуклеус, изготовленный на куске кремневой гальки плохого качества (трещиноватой и с пустотами). Фронт ядрища плоский. Нуклеус имеет две противолежащие площадки, расположенные параллельно друг другу. Ударные площадки расположены под острым углом к плоскости расщепления. Фасетки снятия: отщепы и пластинчатые отщепы (рис. 2: 1).

Второй нуклеус не сработан до конца (рис. 2: 2). Он имеет два фронта. Один плоско-выпуклый, с фасетками снятия пластинчатых коротких отщепов, вероятно первичных, с гладкой и расположенной под острым углом ударной площадки. Второй фронт имеет гладкую ударную площадку, почти перпенди-

кулярную направлению скалывания. Фасетки принадлежат коротким пластинчатым отщепам.

Более выразительным является фронтальный скол с призматического нуклеуса (рис. 2: 6). Он несет фасетки снятия микропластин, вероятно, с применением отжимной техники, которая получила широкое распространение в эпоху мезолита.

В качестве отбойников, скорее всего, использовались речные гальки, подобные обнаруженной в шурфе 3.

Орудия со вторичной обработкой либо фрагментарны (мелкий фрагмент лезвия, возможно, двустороннего орудия), либо типичны для разных периодов каменного века – концевой скребок на пластине или отщепы с ретушью.

Кремневые предметы со следами вторичной обработки или использования в качестве орудий встречаются чаще. Всего зафиксировано 98 предметов со следами утилизации, не считая пластин.

Скребки и фрагменты скребков – 9 экз. Среди них отметим фрагмент лезвия скребка, скребок на плитке – фрагменте заготовки орудия с бифасиальной обработкой (рис. 4: 2), скребок на конце пластины с ретушью утилизации по краю (рис. 4: 3).

Орудия, изготовленные на отщепах (7 экз.). Из них скобели – 5 экз. (рис. 5), одно комбинированное орудие выполняло функции скобеля и ножа (рис. 5: 6). Кроме того, судя по следам утилизации, имеющийся пренуклеус использовался как комбинированное орудие (скобель, ретушер) (рис. 5: 5). На одном нуклевидном куске с ретушью имеются следы утилизации, в том числе предмет имеет выраженный резцовый скол (рис. 3: 6). Резцовые сколы фиксируются еще на трех изделиях.

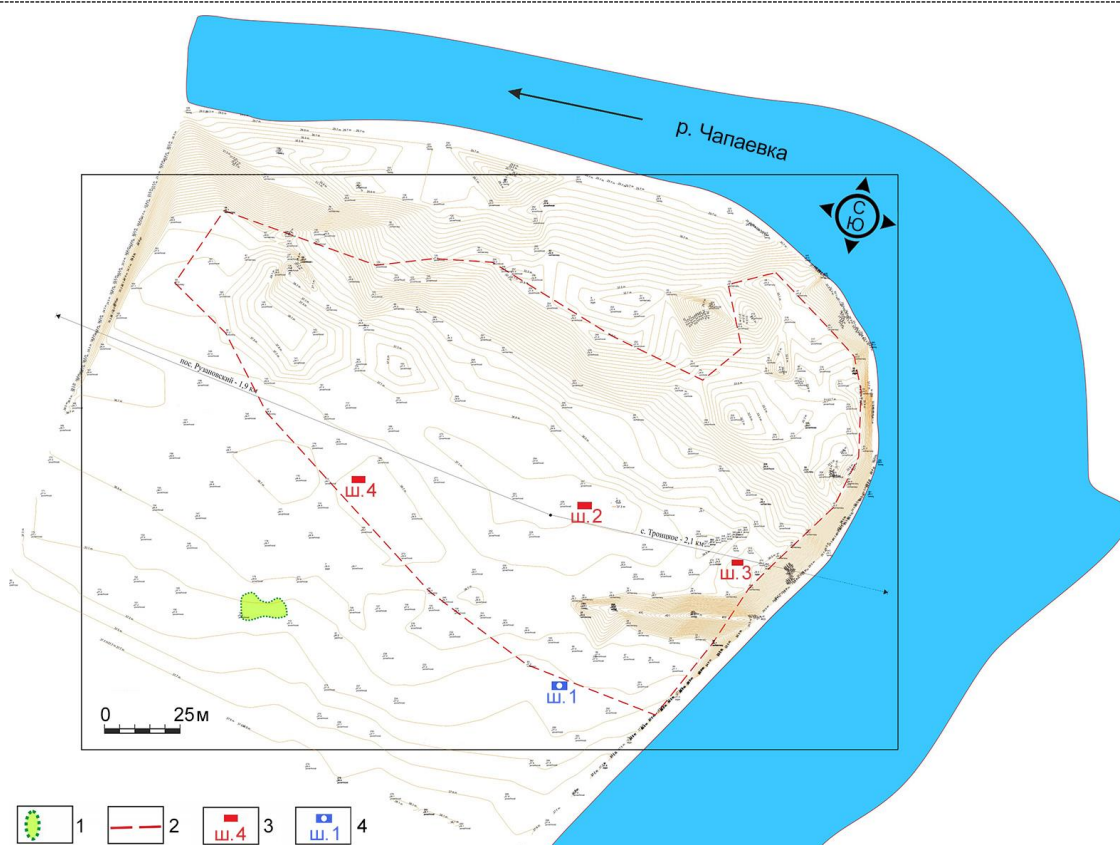

Рисунок 1 – Стоянка Троицкое 5. Топографический план.

Примечание. 1 – лес, отдельные деревья; 2 – границы памятника;
3 – разведочные шурфы с находками; 4 – разведочные шурфы без находок

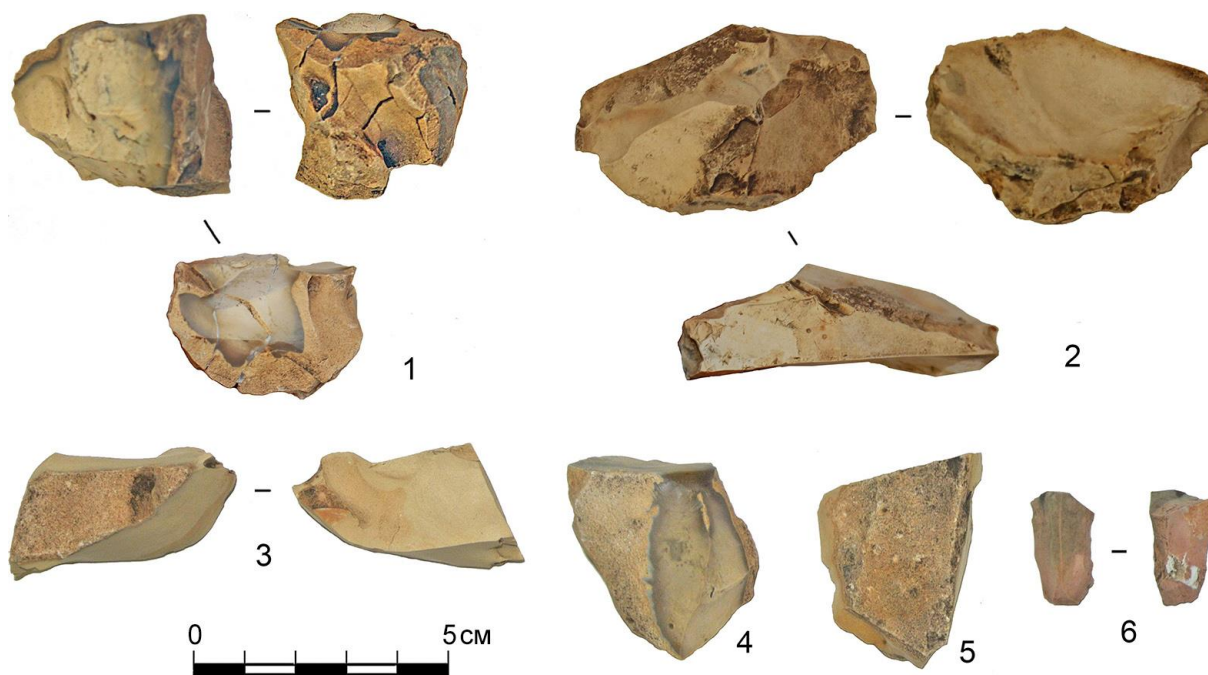

Рисунок 2 – Стоянка Троицкое 5. Нуклеусы. Кремь

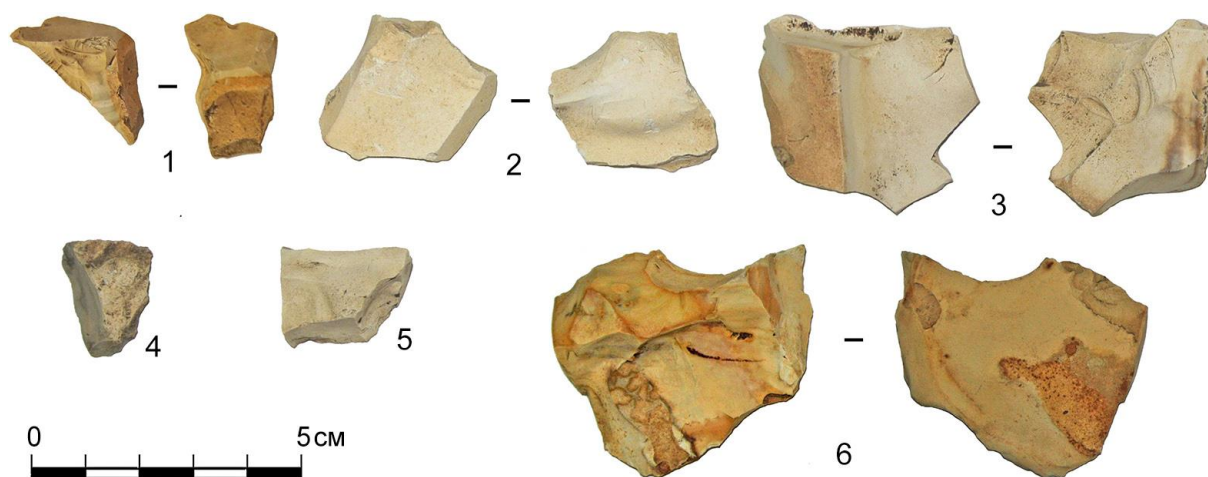

Рисунок 3 – Стоянка Троицкое 5. Нуклевидные сколы и осколки. Кремь

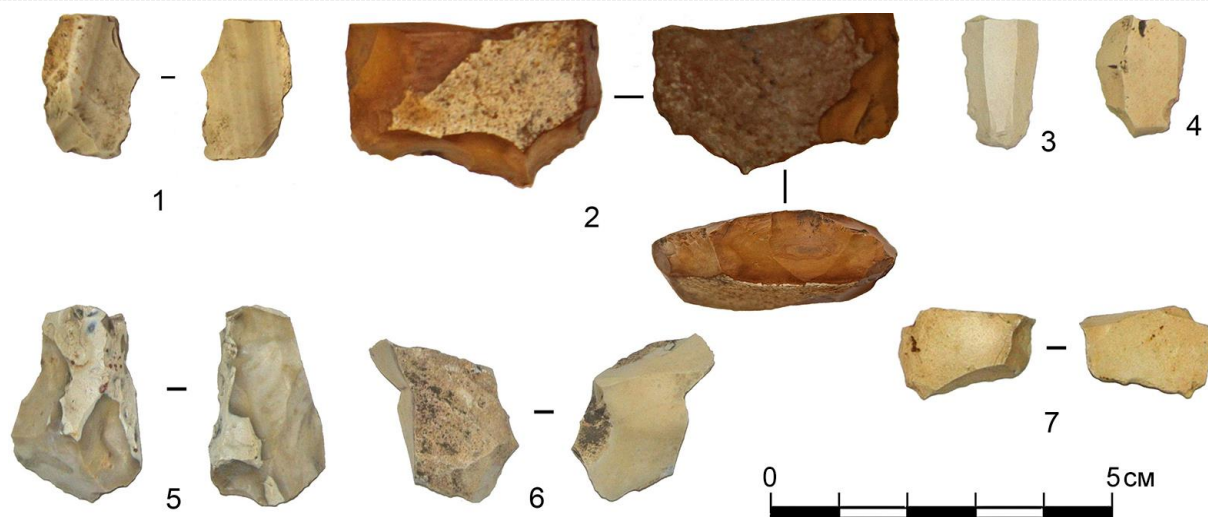

Рисунок 4 – Стоянка Троицкое 5. Скребки. Кремь

На трех отщепах имеются следы утилизации, в основном от использования в качестве режущего инструмента.

В коллекции имеется 35 фрагментов ножевидных пластин (рис. 6). Пластины в основном имеют ширину до 1 см и, скорее всего, получены ударом. Возможно, некоторые из них намеренно обломаны с целью придания им нужного размера и конфигурации для использования в качестве лезвий составных орудий. В пользу этого свидетельствуют и небольшие размеры заготовок. Заслуживает внимания геометри-

ческий микролит – фрагмент ножевидной пластины со скошенным концом (рис. 6: 1). На скошенном конце имеется регулярная ретушь, по обломанному второму краю прослеживается ретушь утилизации. Нужно отметить, что по своей геометрии он напоминает фрагмент трапеции, однако пропорции предмета не соответствуют пропорциям известных трапеций. Вероятно, изделие должно быть отнесено к категории предметов с усечением, имеющих скошенный конец. Пластина могла использоваться в качестве вкладышевого лезвия составного орудия.

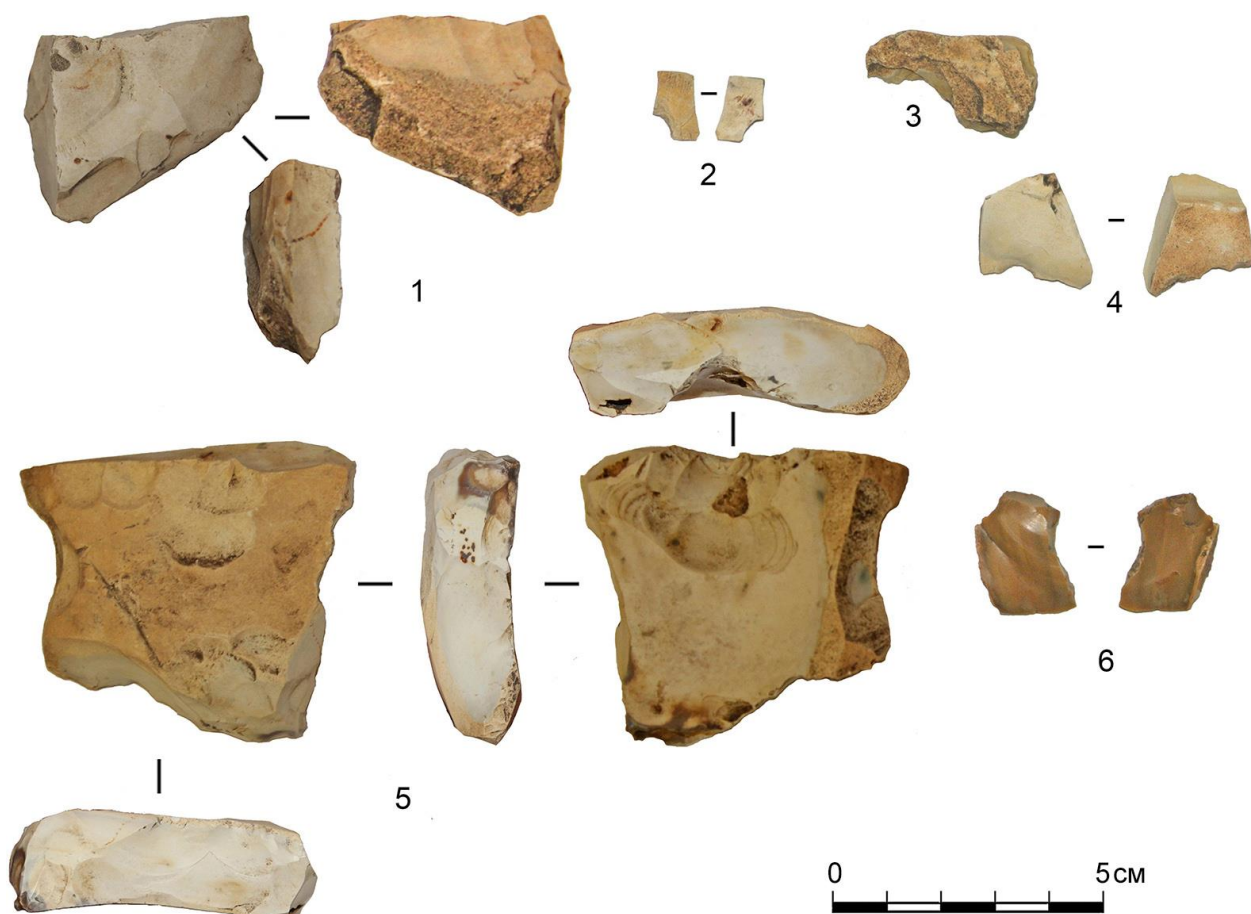

Рисунок 5 – Стоянка Троицкое 5. Скобели. Кремень

Рисунок 6 – Стоянка Троицкое 5. Пластины и фрагменты пластин. Кремень

Количественная характеристика находок, связанных с ранним культурным слоем, представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Технично-типологический состав коллекции каменных предметов

№ п/п	Наименование предмета	Кол-во, экз.
1	нуклеус	7
2	пренуклеус	1
3	нуклеидные осколки	12
4	сколы	6
5	краевые сколы	11
6	ребристый скол	7
7	чешуйки	8
8	отщепы из них: первичные полупервичные	145 5 9
9	технические отщепы	6
10	отщеп с ретушью	2
11	отщеп с вентральной ретушью	2
12	отщеп с зубчатой ретушью	2
13	отщеп с ретушированной выемкой	1
14	скребки	9
15	фрагменты ножевидных пластин	35
16	геометрический микролит	1
17	ножевидная пластина с вентральной ретушью	1
18	краевой скол с вентральной ретушью	1
19	осколки с ретушью	2
20	фрагмент ретушированного орудия	2
21	галька	1
22	плитка абразивная	2
	Всего:	264

Отметим, что, как и для ранее изученной стоянки Троицкое 1 [2], для стоянки Троицкое 5 характерно небольшое количество артефактов со вторичной обработкой. Основная масса кремневых предметов, собранных в процессе работ, является отходами производства или вспомогательными артефактами, участвующими в процессе производства. Имеющиеся экземпляры отщепов (158 экз.) в основном являются отходами или нестандартными сколами. Сравнительно небольшая их часть представляет собой первичные и полупервичные продукты расщепления, технические отщепы (20 экз.).

Для населения, оставившего памятник, характерны неразвитая техника получения пластин, поливариантное расщепление и использование обломочного материала без предварительной обработки.

Общий облик коллекции позволяет оценивать стоянку Троицкое 5 как сезонную стоянку, на которой производилось и первичное расщепление кремня, и получение сколов-заготовок. На это указывают многочисленные отщепы, в том числе с коротким покрытием, значительно превосходящие по количеству пластинчатые сколы.

Аморфный облик многих изделий обусловлен отсутствием качественного сырья в месте расположения памятника. Техника расщепления близка технике, известной по образцам, полученным при раскопках поселения Троицкое 1 в 1994 г., а также по материалам разведочного исследования расположенной к востоку от обследованного памятника стоянки Троицкое 2.

Отсутствие характерных орудий труда, четких стратиграфических привязок и костяных остатков затрудняют определение времени обитания поселения. Предварительно можно предположить его существование в широких рамках финального палеолита–неолита. Возможно, бытование, по крайней мере, части комплекса каменных артефактов местонахождения Троицкое 5 связано с эпохой мезолита.

Финальнопалеолитический возраст памятника можно было бы допустить, учитывая наличие отдельных выглядящих архаично предметов (например, пренуклеуса) и явное преобладание ударной техники скалывания. При дальнейшем исследовании это предположение необходимо проверить стратиграфическими наблюдениями. Возможно, как и на стоянке Троицкое 2, часть кремней окажется приуроченной к основанию почвенного слоя, участку контакта с материком или будет обнаружена в кровле материка. В этом случае будет уместным допущение о доголоценовом возрасте части материалов.

Предположение о возможной принадлежности находок эпохе мезолита основано на присутствии в коллекции фрагмента призматического нуклеуса с негативами отжима пластинок и пластинки со скошенным концом. Отметим также полное отсутствие на памятнике неолитической керамики. Однако, по данным А.А. Ластовского, подобные пластинки, с прямым или с косым усечением, известны и на неолитических памятниках не только самарского региона – стоянках Красный городок [9], Нижняя Орлянка [10], но и в саратовском Поволжье – например, на Варфоломеевской стоянке [11]. Миниатюрные, правильные призматические нуклеусы с ровной огранкой с отжатыми пластинами также известны в неолите. К сожалению, в материалах стоянки Троицкое 5 представлен не целый нуклеус, а фрагмент, на котором визуально сложно определить технику отжима, а пластины с явными признаками отжима для данного памятника пока не обнаружены.

Необходимо учитывать, что на ряде неолитических памятников лесостепного Поволжья, содержащих в основном малочисленные кремневые комплексы, постоянно присутствуют предметы, демонстрирующие плоскостное расщепление, дополняющееся призматическим расщеплением, пластины в минимальном или заметном количестве и орудия на них, встречается изобилие орудий случайной формы, на случайных заготовках, типологически не определенных, с ретушью или следами утилизации.

Возможно, после комплексного анализа выявленных в Самарском Поволжье памятников мезолита–неолита, сравнения их на уровне типов, можно будет уточнить и хронологическую позицию отдельных памятников, подобных стоянке Троицкое 5.

Небольшая часть находок с поселения относится к бронзовому веку. Происходят они преимущественно из шурфа 3 и в подъемном материале единичны.

К индивидуальным находкам относится фрагмент абразивного камня (рис. 7: 3) и глиняное пряслице усеченно-конической формы, вся поверхность которого покрыта орнаментом в виде отпечатков поллой трубочки (рис. 7: 2). Форма и орнаментация пряслища находят аналогии в поселенческих материалах срубной культуры – в частности, на Шигонском I селище, селищах Лебяжинка V, Шелехметь, Федоровское I и др. [12, рис. 2: 1, 2, 5; 13, рис. 27: 1–3; 14, рис. 66: 3].

На поселении собрана небольшая коллекция керамики срубной культуры. Всего изучено 26 фрагментов лепной керамики, из них венчики сосудов – 3 экз., стенки – 21 экз., днища – 1 экз., крышка – 1 экз. (рис. 8). Три фрагмента собраны в качестве

подъемного материала (1 венчик, 2 стенки), остальные происходят из шурфов: шурф 2, пл. 3 – 1 фр. (стенка); шурф 3: пл. 1 – 1 фр. (стенка), пл. 4 – 1 фр. (крышка), пл. 5 – 14 фр. (1 венчик, 11 стенок, 1 дно), пл. 6 – 5 фр. (1 венчик, 4 стенки).

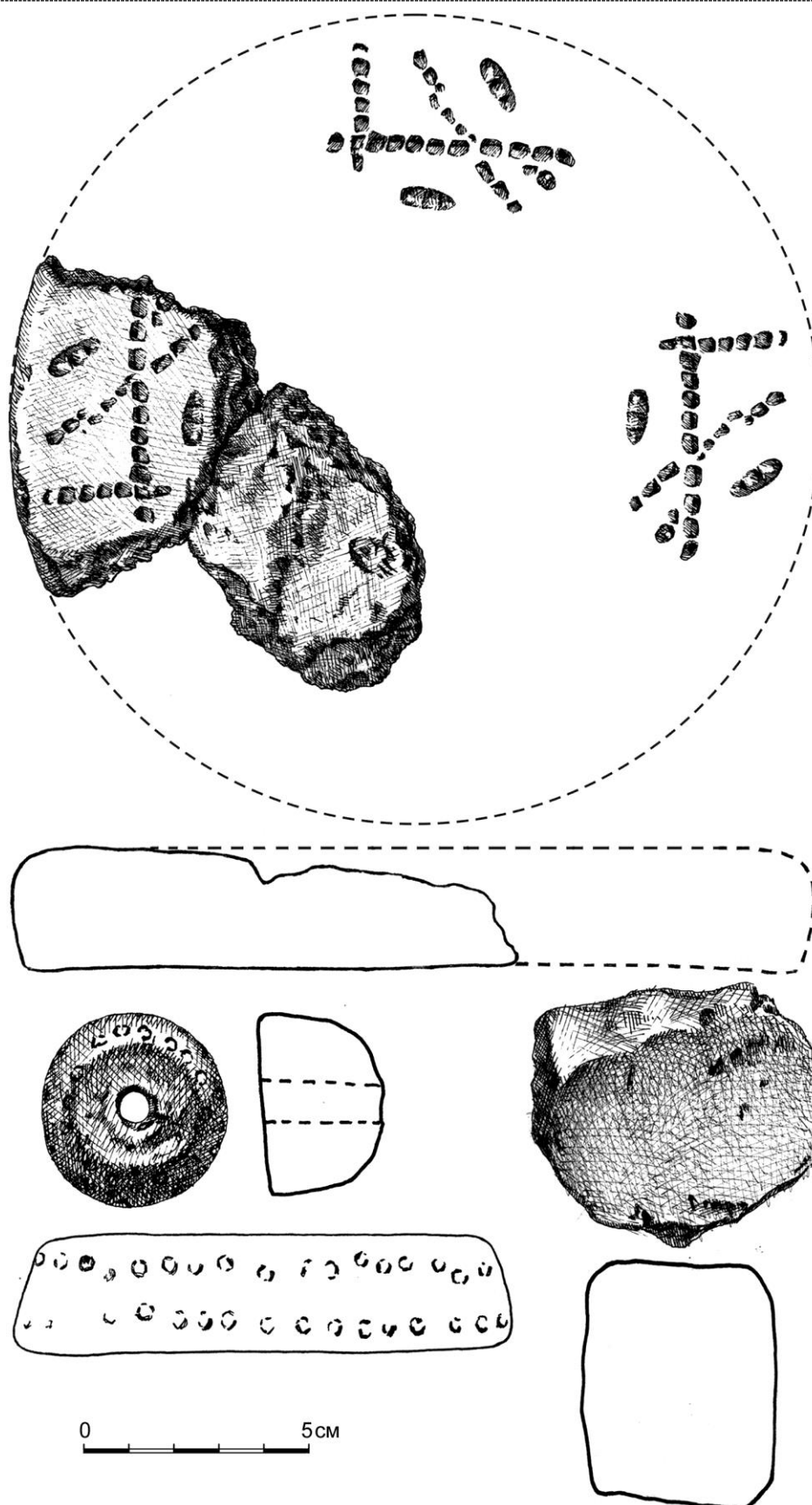

Рисунок 7 – Стоянка Троицкое 5. Изделия из глины (1, 2) и фрагмент абразивного камня (3)

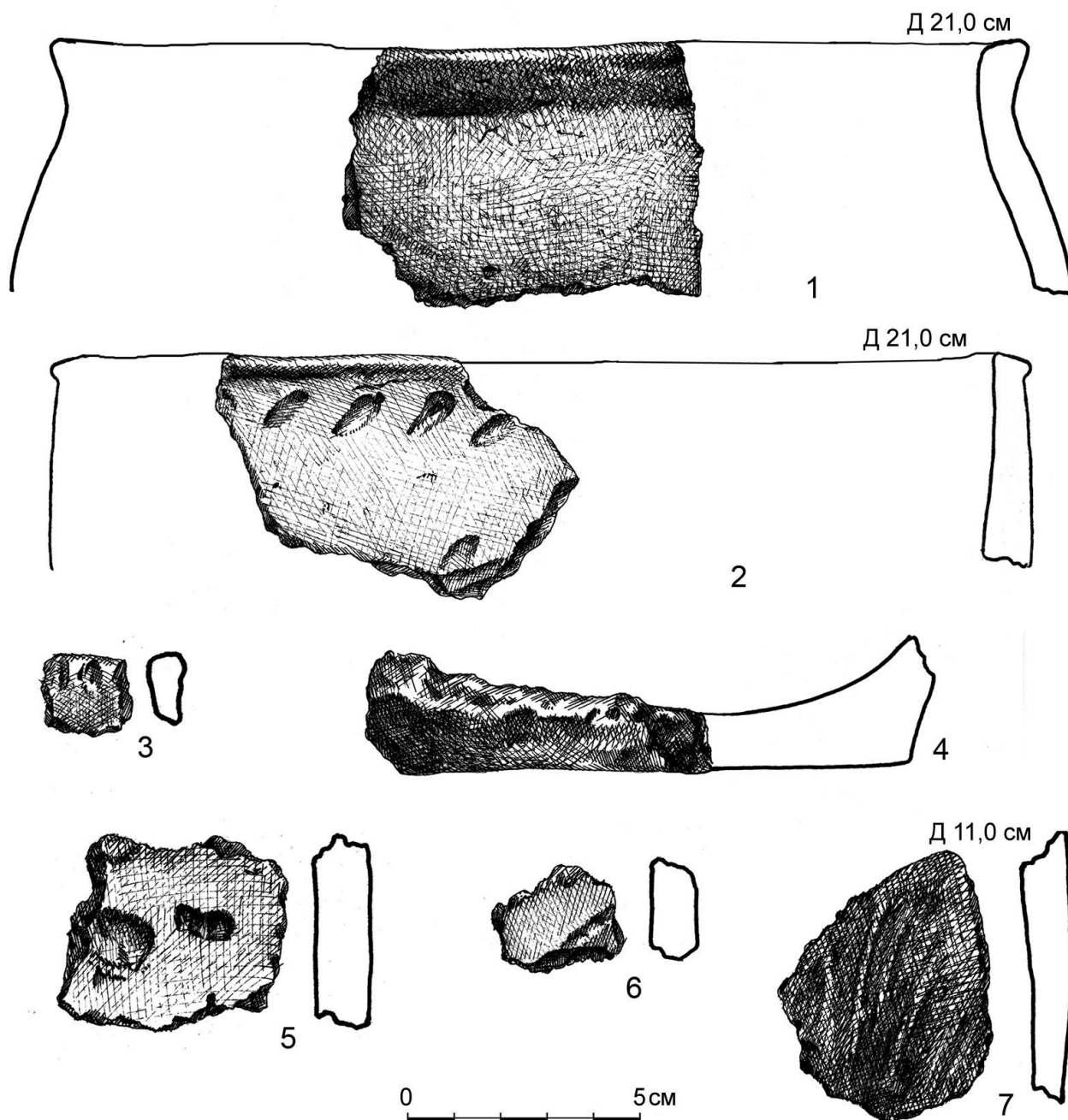

Рисунок 8 – Стоянка Троицкое 5. Фрагменты лепных сосудов

Большинство фрагментов составляют стенки (21 экз.), визуально фиксируемые особенности формы двух венчиков позволяют в общих чертах охарактеризовать форму сосудов. Один венчик принадлежит сосуду баночной формы, другой венчик – горшковидному сосуду, третий венчик настолько мал, что не дает возможности определить форму сосуда.

Судя по венчику, баночный сосуд можно отнести к типу прямостенных открытых банок (рис. 8: 2). Срез венчика уплощенный, скошен наружу с напылом. Диаметр венчика составляет 20,5 см, у подобных сосудов он, как правило, равен или больше максимального диаметра тулова, высота сосуда также может его превышать. Поверхность черепка заглажена, нанесен орнамент в виде рядов наклонных овальной формы отпечатков гладкого штампа, от

второго ряда в нижней части фрагмента сохранился только один отпечаток.

Второй фрагмент венчика горшковидного сосуда слегка отогнут наружу, срез венчика уплощен, плечико покато – все это позволяет охарактеризовать сосуд как слабопрофилированный (рис. 8: 1). Диаметр сосуда по венчику составляет 21,0 см. Поверхность тщательно заглажена.

У третьего венчика срез уплощен, с внешней стороны по самому верхнему краю нанесены овальные отпечатки штампа (рис. 8: 3). Из-за небольшого размера диаметр венчика определить затруднительно.

В керамическом комплексе имеется всего один фрагмент плоского дна с четким переходом к придонной стенке, его диаметр 11,0 см (рис. 8: 4).

Для небольшой коллекции керамического материала с селища Троицкое 5 характерна тщательная обработка поверхностей сосудов. Стенки заглажены, практически до гладкого состояния. У одного фрагмента фиксируется заглаживание сравнительно глубокими расчесами на внешней поверхности (рис. 8: 7), у второго отчетливо прослеживаются следы заглаживания штампом внутри.

Кроме описанного выше венчика, декорированы два фрагмента стенок сосудов. Один из них орнаментирован нечеткими вдавлениями гребенчатого штампа (рис. 8: 5), на втором прослеживается фрагмент оттиска гребенчатого орнамента (рис. 8: 6).

Из находок керамики особый интерес представляет фрагмент массивной глиняной крышки в виде диска круглого в плане формы. Диаметр изделия 18,5 см, высота 2,6–2,8 см, бортик прямой, тщательно заглажен. Обе поверхности также заглажены. Нижняя часть заглажена хаотичными неглубокими расчесами, ее поверхность особенно в средней части запылена и имеет следы нагара. Внешняя поверхность в середине сбита, по краю сохранилась часть композиции декора, состоящей из пересекающихся и единичных отпечатков крупнозубчатого штампа (рис. 7: 1).

Керамика находит многочисленные аналогии в материалах поселений срубной культуры Самарского Поволжья [12].

Керамика из шурфа 3 была подвергнута технологическому анализу. Происходит она преимущественно из 5 и 6 пластов. Общее количество исследованных глиняных изделий составляет 22 экземпляра, среди которых представлены 1 фрагмент дна, 3 фрагмента венчика от разных сосудов, пряслице, фрагмент крышки, остальное – стенки. По результатам технологического анализа выделено условно 7 сосудов. Вся посуда сделана методом скульптурной лепки без гончарного круга.

Технико-технологический анализ керамики проводился в рамках историко-культурного подхода, основные положения которого были разработаны и введены в научный оборот А.А. Бобринским [15; 16]. Данный подход предусматривает выявление, учет и изучение конкретных навыков труда, с помощью которых делалась керамика. Целью исследования при этом является реконструкция культурных традиций в гончарстве изучаемого населения. В качестве объектов исследования выступают технологические следы на сосудах, указывающие на применение гончарами определенных навыков труда.

Конкретная методика выявления и интерпретации технологических следов на археологической керамике разработана А.А. Бобринским на основе изучения многочисленных данных восточноевропейской этнографии, археологии и базируется на трасологии, бинокулярной микроскопии и физическом моделировании.

Любое гончарное производство, независимо от времени и места функционирования, строго структурировано и включает три стадии (подготовительную, созидательную и закрепительную) и 10 обязательных ступеней: от отбора сырья до придания изделию прочности и водонепроницаемости, а также две необязательных, присутствующих не во всех гончар-

ных производствах: 11) – конструирование служебных частей (ручек, носиков-сливов и т.д.) и 12) – орнаментация сосудов. Содержание каждой ступени складывается из решения узких технологических задач, которые неизменно возникают и должны определенным образом решаться во всех производствах керамики.

Керамический материал из шурфа 3 фрагментирован. По всем фрагментам изучались особенности состава исходного пластичного сырья (ИПС) и формовочных масс (ФМ), способы обработки поверхностей сосудов. Для одного сосуда зафиксированы способы конструирования полого тела, по одному фрагменту оказалось возможным определить способ конструирования начина. Удалось также реконструировать способ изготовления крышки сосуда.

Отбор и подготовка

исходного пластичного сырья (ИПС)

Население, оставившее поселение Троицкое 5, для изготовления посуды отбирало два вида исходного пластичного сырья: илестые глины и природные ожелезненные глины, что отражает разные представления гончаров о том, из чего должна была делаться посуда. Ниже приводится характеристика видов ИПС.

Илестая глина относится к разряду незапесоченных, песок в ее составе не фиксируется даже при большом увеличении. В ее составе зафиксированы измельченные фрагменты старой раковины, не имеющих следов предварительной подготовки в виде нагревания, с размером включений не более 1,5 мм, и единичные обрывки нитевидной растительности размером до 2 мм.

Глины по составу естественных примесей, в частности, по количеству в них песка, подразделяются на два подвида:

– Глина 1 характеризуется следующим составом естественных примесей: 1) песок практически не читается, даже при значительном увеличении выделяются только единично представленные песчинки размером до 0,2 мм; 2) включения абсолютно чистой, плотной сланцевой глины с размером включений до 4–5 мм; 3) оолитовый бурый железняк размером до 1,5 мм, единично встречаются железистые включения коричневатого-малинового цвета, рыхлые по структуре. Данную глину мы характеризуем как незапесоченную.

– Глина 2, содержащая в своем составе очень небольшое количество пылевидного песка и песчинки размером 0,2–0,3 мм в небольшой концентрации (10–15 включений на 1 см²), оолитовый бурый железняк размером до 2,0 мм и железистые включения коричневатого-малинового цвета, рыхлые по структуре. Данная глина атрибутирована как слабо запесоченная.

Оба подвида глины использовали в естественно увлажненном состоянии, без предварительной подготовки в виде дробления.

Количественно абсолютно доминируют навыки отбора глины 1, т.е. незапесоченных ожелезненных глин, засоренных включениями сланцевой глины. Они составляют 86,4% (табл. 2).

Таблица 2 – Соотношение ИПС и составов формовочных масс, экз.

Состав ФМ	Илистая глина	Глина 1	Глина 2	Всего
Без примесей	1			1 (4,5%)
Ш+ОР		7		7 (31,8%)
Ш+Выж.		9	1	10 (45,5%)
Ш+Н		3	1	4 (18,2%)
Всего:	1 (4,5%)	19 (86,4%)	2 (9,1%)	22 (100%)

Примечание. Ш – шамот; ОР – органический раствор; Выж. – выжимка из навоза.

Составление формовочных масс (ФМ)

Использовались илестые глины в естественном состоянии без искусственных добавок.

К глинам в качестве искусственных примесей добавлялись шамот и органические материалы. Шамот, как правило, не калиброван, размер его частиц колеблется в пределах 1,0–4,5 мм, при преобладании частиц размером 2–3 мм (крупный шамот). Преобладающая концентрация шамота – 1:4, но встречаются экземпляры, в которых шамот в ФМ представлен в концентрации 1:3 и 1:5. В составе шамота также фиксируется шамот, что позволяет считать навыки добавления шамота традиционными для изучаемого населения. Вторым компонентом ФМ выступают органические материалы, представленные навозом жвачных животных или выжимкой из него и органическими растворами. Признаки навоза и выжимки из него описаны в литературе. В принципе выжимку из навоза допустимо относить к органическим растворам, полученным на основе навоза. Органический раствор в более широком понимании отличается от выжимки отсутствием в нем каких-либо растительных остатков. В составе ФМ изучаемой керамики он фиксировался в виде либо белесого паутинообразного налета, либо в виде желтоватого крупинчатого вещества, обволакивающего минеральные включения и спаи между элементами. При составлении ФМ наиболее часто использовались органический раствор и выжимка из навоза.

Сочетание подвидов глин и компонентов ФМ дают представление о составлении конкретных рецептов. Наиболее массовыми были рецепты, составленные путем добавления к глинам крупного шамота и различных органических добавок: Ш+ОР (31,8%), Ш+Выж. – (45,5%) (табл. 2). Следует отметить, что гончары, делавшие посуду из глины 2, в качестве органики добавляли только отходы жизнедеятельности животных (навоз и выжимку из него).

Учитывая обстоятельство, что материал фрагментирован и не обладает четкими отличительными морфологическими различиями, образцы, которые сделаны из одного подвида ИС и аналогичной ФМ, допустимо относить к одному сосуду. Таким образом, по исследованному материалу можно выделить следующие категории изделий:

Сосуд 1: изготовлен из глины 1, к которой добавлены шамот и органический раствор. К этому сосуду

отнесены венчик (рис. 8: 2), днище (рис. 8: 4) и три фрагмента стенки.

Сосуд 2 (рис. 8: 7) – по ИС и ФМ он полностью соответствует сосуду 1, но отличается существенно обработкой поверхностей – он заглажен крупным гребенчатым штампом.

К этой же группе, условно изготовленной одним мастером, относится фрагмент массивной крышки сосуда (рис. 7: 1).

Сосуд 3: изготовлен из глины 1, к которой добавлены шамот и выжимка из навоза. К этому сосуду отнесены венчик (рис. 8: 1) и восемь фрагментов стенки (рис. 8: 5).

Сосуд 4 – выделен предварительно, изготовлен из той же ФМ, что и сосуд 2. Это стенка сосуда, орнаментированного вдавливанием (? протаскиванием гребенчатого штампа).

Сосуд 5, представленный двумя стенками и изготовленный из глины 1, к которой добавлены шамот и навоз.

Сосуд 6 представлен одной стенкой, изготовлен из глины 2, к которой добавлены шамот и выжимка из навоза.

Из этой же ФМ изготовлено пряслице (рис. 7: 2).

Сосуд 7, представленный одним фрагментом венчика сосуда (рис. 8: 3), изготовлен из илестой глины без искусственных добавок.

Способы конструирования сосудов оказалось возможным изучить только по трем экземплярам: одному венчику, днищу и части крышки.

Имеющийся фрагмент дна отнесен к сосуду 1. Начин сосуда изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Сосуд конструировался на плоскости, возможно, на подвижной подставке. На внешней стороне дна фиксируется не четко выделенный «псевдоборт», который образуется при обработке внешней поверхности сосуда, когда глина «затекает» под дно.

О способах конструирования полого тела можно судить по фрагменту венчика (рис. 8: 1), отнесенного к сосуду 3. Полное тело данного сосуда изготовлено с помощью лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Следов применения форм-моделей не зафиксировано.

Относительно остальных изученных фрагментов можно только утверждать, что при их изготовлении применялась налепная технология.

Крышка сосуда делалась на плоскости из коротких жгутов по спиралевидной траектории, затем подвергалась выдавливанию пальцами и небольшому выбиванию гладкой колотушкой.

Обработка поверхностей изделий осуществлялась простым заглаживанием. В качестве инструментов для заглаживания выступали преимущественно кусочки ткани в сочетании с деревянным ножом, иногда поверхности дополнительно заглаживались каменной галькой (рис. 8: 6; рис. 7: 1). Поверхности одного сосуда (рис. 8: 7) с обеих сторон заглажены крупным гребенчатым штампом. По этому признаку он выделен в отдельный сосуд.

Придание изделиям влагонепроницаемости и прочности осуществлялось путем обжига их в простых обжиговых устройствах типа очага или кострища при создании восстановительной или окислительно-восстановительной среды. Об обжиге в условиях восстановительной атмосферы свидетельствует однотонная темно-серая окрашенность излома черепка. Обжиг в условиях окислительно-восстановительной среды фиксируется по наличию в изломе черепка с внешней стороны осветленного слоя в 1–1,5 мм, четко отделяемого от остальной серой части излома. Такая окрашенность излома, судя по экспериментальным работам, возникает при довольно резком подъеме температуры до температур каления (примерно +650°C) и нахождение изделия в зоне действия этих температур не более 10 мин. [5].

В целом проведенный технологический анализ керамических изделий из шурфа 3 поселения Троицкое 5 показал полное соответствие зафиксированных традиций по всем ступеням производственного процесса традициям изготовления посуды мастерами срубной культуры [17–22]. Два фрагмента из изученной коллекции (рис. 8: 3, 7) можно отнести к раннему (покровскому) этапу срубной культуры по следующим технологическим особенностям: использование илстых глин без искусственных добавок и заглаживание поверхностей крупным гребенчатым штампом [19].

Палеозоологический материал зафиксирован только в шурфах. Из материалов шурфа № 3 к.б.н. В.В. Гасилиным определены зуб лошади и берцовая кость мелкого рогатого скота, в шурфе 2 обнаружены фрагменты челюсти и лопатки коровы. Судя по стратиграфии, эти находки связаны с эпохой бронзового века.

Таким образом, проведенный анализ материала позволяет утверждать следующее:

1. Обследованное поселение содержит культурные напластования двух эпох: каменного века (для более точной датировки в рамках большого периода финального палеолита–неолита оснований пока недостаточно) и бронзового века, представленного материалами срубной культуры середины II тыс. до н.э.

2. Комплекс материалов стоянки Троицкое 5 в целом соответствует материалам, полученным ранее при обследовании стоянок Троицкое 1 и Троицкое 2.

3. Анализ материалов вновь выявленного поселения Троицкое 5 в контексте ранее известных памятников позволяет предполагать сравнительно высокую степень освоения данного микрорайона в эпоху каменного века и рассматривать его как перспективный для дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Кузьмина О.В. Отчет о раскопках стоянки и поселения Троицкое-1 на реке Чапаевка в Безенчукском районе Самарской области по Открытому листу № 151 в 1994 г. Самара, 1994 // Архив ИА РАН. № 22330.
2. Ластовский А.А. Неолитическая стоянка Троицкое // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 26–39.
3. Мамонов А.Е. История изучения неолита лесостепного Волго-Уральского междуречья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / под ред. А.А. Выборнова, Ю.И. Колева, А.Е. Мамонова. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 144–147.
4. Горашук И.В. Классификация каменных орудий елшанской культуры // Краеведческие записки. Вып. XV. 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. С. 168–183.
5. Андреев К.М. Характеристика ранне-неолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3. С. 198–211.
6. Горашук И.В. Отчет о проведении разведочных археологических исследований в Безенчукском и Красноярском районах Самарской области в 2008 г. Самара, 2012 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 29572.
7. Сташенков Д.А. Отчет об археологических разведках в Самарской области в 2014–2015 гг. по Открытому листу № 960. Самара, 2018 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57975.
8. Андреев К.М. Отчет о проведении разведочных археологических исследований в Безенчукском и Красноярском районах Самарской области в 2015 году по Открытому листу № 271 от 28.04.2015 г. Самара, 2015 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57975. Ф-1. Р-1. № 49049–49050.
9. Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995. С. 25–50.
10. Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995. С. 50–110.
11. Юдин А.Н. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.
12. Седова М.С. Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / под ред. Ю.И. Колева, А.Е. Мамонова, М.А. Турецкого. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 209–241.
13. Кузьмина О.В. I Шигонское поселение // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное издательство, 2017. С. 279–390.
14. Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А. Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжinka V // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное издательство, 2017. С. 124–278.
15. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
16. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
17. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // Краеведческие записки. Вып. XV. 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2010. С. 135–154.

18. Салугина Н.П. Социально-культурная интерпретация технологии изготовления керамики позднего бронзового века Волго-Уралья (по материалам срубной культуры) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: междунар. симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. С. 133–142.

19. Салугина Н.П. Керамический комплекс курганного могильника Садгород IV (технологический аспект) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 6. С. 195–203.

20. Истомин К.Э., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Салугина Н.П. Археологические исследования селища Светлое Озеро в Нурлатском районе Республики Татарстан //

Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Изд-во «Книжное издательство», 2017. С. 502–525.

21. Салугина Н.П. Технология изготовления керамики населением Волго-Уралья в эпоху бронзового века // От ремесла к искусству. Керамика: технология, декор, стиль: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2018. С. 45–47.

22. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999. С. 234–257.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, учёный секретарь; Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: archeo@list.ru.</p> <p>Кочкина Анна Федоровна, заведующий отделом археологии; Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: annkochkina@list.ru.</p> <p>Кузнецова Людмила Валентиновна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии; Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: lvkuz@rambler.ru.</p> <p>Салугина Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения; Самарский государственный институт культуры (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: nsalug@gmail.com.</p> <p>Ластовский Алексей Алексеевич, участник; Самарское археологическое общество (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: al_al_lastovsky@mail.ru.</p>	<p>Stashenkov Dmitry Alekseevich, candidate of historical sciences, scientific secretary; Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin (Samara, Russian Federation). E-mail: archeo@list.ru.</p> <p>Kochkina Anna Fedorovna, head of Archeology Department; Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin (Samara, Russian Federation). E-mail: annkochkina@list.ru.</p> <p>Kuznetsova Lyudmila Valentinovna, candidate of historical sciences, chief researcher of Archeology Department; Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin (Samara, Russian Federation). E-mail: lvkuz@rambler.ru.</p> <p>Salugina Natalya Petrovna, candidate of historical sciences, associate professor of Cultural Studies, Museology and Art Studies Department; Samara State Institute of Culture (Samara, Russian Federation). E-mail: nsalug@gmail.com.</p> <p>Lastovsky Aleksey Alekseevich, participant; Samara Archaeological Society (Samara, Russian Federation). E-mail: al_al_lastovsky@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Кузнецова Л.В., Салугина Н.П., Ластовский А.А. Троицкое 5 – новый памятник эпохи камня–бронзы в Самарском Поволжье // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 201–212. DOI: 10.55355/snv2022111208.